

Whose Calculations? Which Rationalities? Рациональность правительности и иррациональность рисков в концепции Мишеля Фуко

Михаил Д. БЕЛОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8848-2726

Рекомендация для цитирования:

Белов М. Д. (2024) Whose Calculations? Which Rationalities? Рациональность правительности и иррациональность рисков в концепции Мишеля Фуко. *Социология власти*, 36 (1): 29-43. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-29-43>

For citations:

Belov M. D. (2024) Whose Calculations? Which Rationalities?: Rationality of Governmentality and Irrationality of Risks in the Concept of Foucault. *Sociology of Power*, 36 (1): 29-43. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-29-43>

Поступила в редакцию: 09.01.2024;
прошла рецензирование: 01.03.2024;
принята в печать: 03.03.2024
Received: 09.01.2024; Revised:
01.03.2024; Accepted for publication:
03.03.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Copyright: © 2024 by the author.

Резюме:

Данная статья посвящена рассмотрению рациональности как одной из ключевых характеристик концепции правительности Мишеля Фуко и связанных с ней противоречий как внутри фуколдианской теории, так и за ее пределами. Прибегая к теории риска, автор исследует возможность существования множественной рациональности в правительности и предлагает решение противоречия внутри фуколдианской теории. Ключевое внимание в статье уделяется вопросу о том, как возможно разрешить как методические и практические, так и теоретические противоречия в теории правительности, сохранив главные ее характеристики, такие как ориентированность на население, в неизменном виде. Автор приходит к выводу о том, что в рамках множественной рациональности, которая наиболее отвечает пониманию правительности населения как цели, как механизм управления рисками более эффективным оказывается диверсификация. Статья делает существенный вклад в понимание отношений между рациональностью и иррациональностью в теории правительности, выдвигая новые идеи для исследования и развития эффективных форм государственного управления. Автор также предлагает пути решения парадокса регули-

29

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

руемой свободы, что имеет практическое значение для современных методов управления и регулирования в обществе. Этот более детальный анализ помогает понять, каким образом концепция правительности Фуко может быть применена в современном контексте, а также как можно преодолеть ограничения, связанные с рациональностью, для достижения более гибких и адаптивных форм управления.

Ключевые слова: правительность, Мишель Фуко, правительственность, страхование, рациональность, множественная рациональность, риск

Whose Calculations? Which Rationalities?: Rationality of Governmentality and Irrationality of Risks in the Concept of Foucault

Mikael D. Belov

National Research University Higher School of Economics; The Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8848-2726

Abstract:

This article is dedicated to investigating rationality as one of the key characteristics of Michel Foucault's concept of governmentality and to related contradictions inside and outside Foucauldian theory. Using risk theory, the author explores the possibility of the existence of multiple rationalities in governmentalities and offers a solution to the contradiction within Foucauldian theory. The article focuses on the question of how it is possible to resolve both methodological, practical, as well as theoretical, contradictions in the theory of governmentality, keeping its main characteristics, such as population-centeredness, intact. The author concludes that diversification is more effective within the framework of multiple rationalities, which is most consistent with the understanding of the governmentality of the population as a goal, as a mechanism of risk management. The article makes a significant contribution to the understanding of the relationship between rationality and irrationality in the theory of governmentality, putting forward new ideas for the research and development of effective forms of public administration. The author also suggests ways to solve the paradox of regulated freedom, which has practical implications for modern methods of governance and regulation in society. This more detailed analysis clarifies how Foucault's concept of governmentality can be applied in a contemporary context, and how the limitations of rationality can be overcome to achieve more flexible and adaptive forms of governance.

Keywords: governmentality, Michel Foucault, governance, insurance, rationality, multiple rationality, risk

Введение

Правительность в философии Мишеля Фуко — это достаточно многоаспектный термин, описывающий определенный спо-

соб управления и осуществления государственной власти; правительственность сочетает в себе как дисциплинарные методы, так и более «тонкие» механизмы управления, благодаря которым люди сами подчиняются власти, так как власть создает для этого условия и ориентирована на население. Этот термин был введен Фуко в его лекциях в Коллеж де Франс в конце 1970-х годов и стал ключевым элементом его анализа способов, с помощью которых власть осуществляется. Правительственность включает в себя различные техники и процедуры, направленные на регулирование поведения индивидов и групп в соответствии с определенными целями и нормами.

Важной составляющей анализа Фуко является понимание власти как того, что не просто подавляет или ограничивает, но также производит реальность, формирует предметы знания и создает субъектов. В этом контексте правительственность раскрывается как динамический процесс, в рамках которого власть и знание взаимодействуют, порождая новые формы социальных отношений и идентичностей. Фуко подходит к изучению правительственности с критической точки зрения, обращая внимание на способы, которыми различные формы управления и контроля способствуют поддержанию и воспроизводству определенных социальных порядков и иерархий.

31

Одной из ключевых характеристик правительственности как нового типа управления населением у Фуко является ее рациональность [Фуко 2011]. Митчелл в своей книге, посвященной правительственности как концепции в философии Фуко, пишет о том допущении, что рациональность в контексте правительственности¹ может быть рассмотрена как ясное и систематическое мышление [Митчелл 2016: 74–85]. Однако правительственность также сталкивается с явлением рисков и необходимостью с ними справляться. Риски и их возможные последствия никогда не бывают рациональными, так как всегда содержат различные варианты поведения, риск — это всегда выбор из нескольких рациональных или нерациональных вариантов [Slovic et al. 2004]. Так как с самими рисками однозначно рационально справиться невозможно из-за их неопределенности и непредсказуемости, для рационального мышления необходимо найти выход, который позволял бы ему справляться с рисками и этой проблемой — таким решением является калькуляция этих рисков [Ewald 1991: 200]. И тем не менее не существует некоторой абсолютной единой системы калькуляции рисков, так как риск также можно оценивать по-раз-

1 В разных источниках встречается разный перевод слова *Gouvernementalité*. На английский его переводят как *governmentality*, в переводах на русский используется «правительственность» или «правительность» — в данной статье будет использован последний вариант.

ному; максимум, которого можно здесь достичь — это некоторая точка максимизации *рациональности оценки* рациональности риска, однако эта «точка оптимума» тем не менее не обязательно рациональна сама по себе. Таким образом, правительности как модели рационального управления приходится сталкиваться с тем, к чему сухой рационализм применить практически невозможно.

В данной статье мы рассмотрим проблему взаимодействия рациональности и иррациональности в управлении правительством. Мы обсудим, как можно достичь рациональности в управлении, учитывая, что существуют различные формы и понимания рациональности, притом что ни одна из них не является доминирующей. Также мы проанализируем, как этот процесс рационального анализа переносится на уровень принятия решений, которые тоже не всегда могут быть полностью рациональными.

Рациональность в правительности. Как все-таки принимать решения?

32

Частью правительности и/или государства, которое занимается рисками и их управлением, является страхование, хотя сам Фуко не вводит этот термин в таком значении. Последователь Фуко Эвальд, пытаясь разобраться в роли рисков и страхования в фуколдианской теории, определяет последнее как технологию риска, схему рациональности, практику определенного типа рациональности, калькуляцию рисков или искусство комбинаций [Там же: 197–199]. Последнее может быть подвержено критике в наибольшей степени, ведь если страхование — это искусство (art), то сколько художников (artists) может приносить в него свой индивидуальный вклад, иметь собственный, отличный от других взгляд? Можно ли тогда судить о том, что калькуляция одних рисков рациональнее калькуляции других рисков или одна калькуляция одних и тех же рисков рациональнее другой? Для подобного сравнения необходимо определить рациональность, однако именно как понятие политическое, рациональность государственную, раз уж рациональность здесь рассматривается как черта правительности. Обращение к политическим корням этого термина позволяет нам заключить, что рациональность — это некоторый «счет, полагание», где «упор делается не на мышлении или знании, а на организации и соположении» [Ильин 1997: 355]. Фуко говорит о меркантилизме как о первом уровне государственной рациональности, отмечая, что «государство управляется по свойственным ему рациональным законам, которые не выводятся только из естественных и божественных законов» [Фуко 2003: 15]. Это позволяет нам говорить о некоторой рациональности, существующей только на государственном уровне — действительно рациональности сво-

его рода, так как государство выстраивает уникальную рациональность, а не берет ее из догматов, пускай даже политических. Каждому из выделенных Фуко типов государства — государству правосудия, административному государству и правительственному государству [Там же: 21] соответствует своя уникальная рациональность.

При разговоре о рациональности нельзя не обратиться к Дэвиду Юму, который считал рациональность привычкой к причинно-следственным связям. Юмовское соположение, смежность и повторяемость как критерии причинно-следственных связей и их использование в реальном целеполагании и расчете (в наше случае — государственных дел) утверждают рациональность [Юм 1996]. Таким образом, страхование связано лишь с оценкой и соположением рисков, но государство не «идет на риск», а лишь использует различные модели страхования для его осуществления, так как техника страхования, техника расчета и калькуляции рисков постоянно меняется. Это также объясняет, зачем правительности статистика, которой Фуко уделял так много внимания, и что принципиально нового она привносит в управление — с ее помощью *высчитываются* риски; такая рациональность подразумевает буквальный счет и сопоставление получившихся числовых результатов, статистика же предоставляет данные и методы для этого расчета. Правительность, таким образом, заключается не в принятии некоторого решения, а лишь в рассчитывании и сопоставлении возможных исходов, в частности — рисков, механизмом расчета которых является страхование; подобно тому, как статистика описывает данные, а не выбирает наиболее вероятное решение или исход, правительность лишь рассчитывает эти исходы, но не способствует их наступлению. Кажется, что здесь должно быть противоречие, так как система управления, не принимающая никакого решения, попросту невозможна, ибо в самой сути управления лежит принятие некоторых решений [Peters, Piette 2016]. Однако правительность — это в первую очередь совокупность институтов, процесс или тенденция [Фуко 2011: 162], а не метод. Правительность не определяет действия, а описывает их и делает их возможными — это не инструкция, но технология как образ действия, для иллюстрации которой Фуко использует метафору пастуха и множества [Там же: 172–195]. Эта метафора отражает идею о том, что власть действует подобно пастуху, который заботится о своем стаде. Это не только контроль и управление, но и забота о благополучии, здоровье и благосостоянии «стада» (то есть населения). Пастух не только руководит стадом, но и обеспечивает его нужды, защищает от опасностей, ведет к лучшим пастбищам. Таким образом, власть Фуко видит не только как ограничение или подавление, но и как производство определенных типов поведения и идентичностей. В контексте государственного управления метафора пастуха множеству

подчеркивает, что правительство не просто принимает решения или осуществляет контроль, но также формирует условия, в которых эти решения принимаются, и способствует определенным формам социальной организации и поведения.

Конечно, разговор о решениях невозможен без акторов, которые занимаются их принятием — десижн мейкерах [Lewis 2007], занимающих соответствующее место в государстве, управляющих соответственно какому-то строю, частью которого может быть правительственность. Вместо того чтобы просто предоставлять место для некоторых лиц, принимающих решения, правительственность занимает ключевую роль в формировании и анализе управленческих стратегий и предполагаемых исходов, основываясь на логике определенного строя. Это возвращает проблему рациональности, ведь даже если правительственность была бы рациональна и позволяла рассчитывать риски соответственно наибольшей эффективности сообразно технологиям безопасности [Lemke 2016: 54], конечное решение определяется людьми, которые могут быть вполне нерациональны и исходят не из текущего расчета, а из прошлого опыта и других иррациональных детерминант мышления.

34

Получается, что Фуко в своей концепции правительственности не говорит об образе принятия решений; по крайней мере, это следует из вторичной литературы по этой теме, которая старается более предметно и детально рассмотреть конкретные механизмы принятия решений и функционирования государства в контексте правительственности. Таким образом, правительственность на том месте, которое отводится ей Мишелем Фуко, оказывается довольно противоречивой, ведь другие предполагаемые рациональности и системы, им упоминаемые (государство правосудия и административное государство), предполагают вполне определенные методы принятия решений и дальнейшего развития [Фуко 2003: 21].

Фуко рассматривает эволюцию различных политических течений, различных систем принятия решений — с их ценностными и методологическими аспектами. Согласно Фуко, с исторической точки зрения макиавеллизм приходит на смену антимаккиавеллизму, который когда-то сменил другой макиавеллизм [Там же: 4–6]. На следующем же этапе появляется принципиально новая методологическая и ценностная перспектива государства, которая переживает свое становление в Западном мире. Фуко имеет ценностный и идеологический, а не практический образ этого нового западного типа управления, только приходящего на смену административному государству. Таким образом, Фуко, скорее, задает теоретический фундамент для понимания неолиберализма, который нарастает за пределами его собственного опыта и интеллектуального контекста Франции 1970-х годов.

Итак, рациональность правительности заключается в расчете и сопоставлении решений. Правительность и ее рациональность тем не менее отделены как от десижн мейкеров, так и от не-статистических проблем населения и смыслов, которое оно в эти проблемы вкладывает. Правительность, таким образом, является инструментом сухого расчетливого *рационального* анализа в руках *не-рациональных* «государей». Если бы подход, основанный на сухом рациональном анализе, применялся на всех этапах принятия, реализации и исполнения решений, это могло бы привести к значительному уменьшению влияния личных, индивидуальных интересов и особенностей населения в этих процессах. Такой подход мог бы сделать управление более абстрактным и отстраненным, уменьшая человеческий фактор и индивидуальность в принимаемых решениях. В итоге это могло бы вести к ситуации, где люди рассматриваются как безликие элементы системы, а не как уникальные индивидуумы с собственными потребностями и взглядами, что ведет к диктатуре и тоталитаризму [Mayer, Mueller 2017]. Такое обезличивание может оказаться проблематичным, поскольку оно игнорирует человеческий аспект управления и потенциально ведет к решениям, не учитывающим реальные потребности и интересы населения. Однако такая критика противоречит тому аспекту, который характерен для методов принятия решения и самих этих решений в тоталитарных диктатурах — дисциплинарному аспекту, которому правительность противопоставляется [Фуко 2011: 162]. Обвинение правительности в дисциплине или диктатуре кажется абсурдным, ведь этот концепт наиболее релевантен либеральным и неолиберальным моделям управления [Walters & Naahr 2005: 293–295], так как безопасность, которая является ключевым инструментом правительности, в политической философии в этом смысле принято связывать со свободой и «системой натуральных свобод» [Burchell 1991: 139]. Однако как только допускается место властного субъекта, который использует правительность, она перестает быть рациональной, принимающей во внимание интересы всех сразу и одновременно ничего не выбирающей, что уже было бы похоже скорее на некоторую форму анархизма и действительное отсутствие единого управленческого центра. Фуко и его последователи рассуждают не об отсутствии государства, а, с одной стороны, о форме вождизма — папстве, с другой — об индивидуализирующей благотворной власти, направленной во благо множеству [Фуко 2011: 172–195]. Правительность является сопутствующим инструментом управления, в либеральной максиме нивелирующим иррациональность и субъективность управленческого кадра. В оптимуме использования правительности действительно есть калькуляция рисков и сценариев, но нет субъективности их выбора. Этот выбор не харак-

теризуется демократичностью в обществе; он, прежде всего, определяется наличием определенного блага. Это благо устраняет вопрос о рациональности выбора с точки зрения единой рациональности, предполагая существование множественной рациональности.

Как возможна множественная рациональность внутри одного правления?

Теперь, разобравшись с субъектами властных отношений и их приоритетами, можно говорить о множественной рациональности внутри одного государства, одной политики, по-прежнему имеющей своей целью население. О'Мэлли пишет о том, что правительственные рациональности соответствуют технологиям управления и предметам этого управления [O'Malley 2009: 55]. Получается, что некоторые рациональности могут сосуществовать в одной модели управления, и важно подчеркнуть, что говорится именно о правительственных рациональностях, совместимых внутри одного государства, а не противоречащих друг другу более генерализованных рациональностях, о которых, например, писал Макинтайр [1988]. Таким образом, говорится о множественных рациональностях внутри единого политического субъекта. Наиболее ориентированная на население схема принятия решений подразумевает возможности большой дифференциации решений в той же степени, в какой могут быть дифференцированы потребности и мнения групп населения. Там, где возможны различные пути исхода (впрочем, как и в ситуации, когда есть возможность только одного исхода) и рациональность населения едина, риски калькулируются и решения принимаются соответственно этой единой рациональности. Там, где возможны различные пути исхода и рациональности населения различаются, они калькулируются по-разному, и решения принимаются также дифференцированно в соответствии с рациональностью каждой группы для каждой группы. Наибольший интерес здесь представляет ситуация, когда требуется принятие единственного решения и проведение единой оценки рисков, которые окажут влияние на все население, в то время как подходы к рациональности этой оценки могут быть различны. Одним из решений видится принцип большинства, но он скорее похож на ловушку демократии и необязательно будет иметь своей целью население. Другим решением было бы прибегнуть к рациональности другого уровня: возможно, того, о котором пишет Макинтайр, а возможно, и рациональности уровня правителя, пастуха, оберегающего свое стадо [Фуко 2011: 182–189]. Так или иначе, правительности здесь приходится решать задачу о том, *как сохранять своей целью население, когда население имеет разные цели.*

Население, которое является целью правительности, находится в особых отношениях с риском — оно помещено в обстоятельства факторов риска [Castel 1991: 281]. Правительность оказывается структурой, которая внедряется в процесс действия (в частности, политического), для осуществления риск-менеджмента, целью чего, опять же, является население.

Серьезным пробелом в существующей литературе является отсутствие понимания сути «населения как цели». Можно выдвинуть предположение о том, что целью государства и правительности, которые осуществляют власть на некоторой территории, будет являться благосостояние населения. Можно ли отождествить в таком случае благосостояние населения и благосостояние государства? Когда мы говорим о государстве как о собранном Левиафане, который не порождает никакой эмерджентной сущности [Callon, Latour 1981], то ответом на такой вопрос будет, конечно, «да». Но в случае с правительностью (и, видимо, это и отличает неолиберальные режимы от диктаторских) мы признаем, что аппарат государства или само государство не отождествлены с населением. Государство, в котором присутствует правительность как тип управления, несмотря на различные стимулы, обстоятельства и прочие возможные издержки от самого присутствия государственного, правительственного вмешательства в дела населения и его риски, стремится уменьшить и свести государственное вмешательство к минимуму, оставив среди населения только рынок и закон, образованные населением [Standish 2000].

37

Один из крайних подходов к применению рациональности и рационализации в управлении отражается в полной рационализации и бюрократизации государственного управления в веберовском смысле [Вебер 2016]. Такая рационализация в той или иной мере присутствует в управлении любых развитых обществ. Однако именно это и поднимает вопрос о возможности рационализации рисков, а именно тех аспектов, которые не поддаются однозначному рациональному определению. Если бы риски были полностью рациональными и подлежали бюрократическому управлению, они бы не требовали разработки стратегий риск-менеджмента. Следовательно, иррациональность и неоднозначность рисков ставят перед нами задачу их понимания и управления на государственном уровне.

Теория риска как способ решения

Когда мы имеем дело с рисками, классически выделяется три подхода к их предотвращению, три максимы риск-менеджмента: страхование, диверсификация и уклонение [Орлов, Пугач 2012]. В связи

с рисками в правительственности в литературе рассматривается в основном страхование, однако стоит сказать в этом контексте и об остальных.

Диверсификация применяется в государственных практиках, например, при распределении лекарств — и это наиболее выгодная стратегия. Например, антрополог Мэри Дуглас рассматривает кейс Сиэтлской комиссии, которая выбирала, кому провести операцию по хроническому диализу почек. Комиссия жестко фильтровала пациентов, и если имело место малейшее подозрение в их недобросовестности — отказывала в лечении [Дуглас 2020: 222–226]. Другой метод, который, однако, оказался широко критикуемым в обществе, — лотерея самого дорогого в мире лекарства Zolgensma [Dyer 2020], представляющая из себя способ распределения этого высокоэффективного, но чрезвычайно дорогого лекарства для лечения спинальной мышечной атрофии. Его суть заключается в том, что пациенты регистрируются для участия в лотерее, и победители выбираются случайно, обеспечивая равные шансы на получение лечения независимо от местоположения или финансового состояния. Система позиционируется как обеспечивающая справедливый доступ к ограниченным запасам дорогостоящего препарата. Два этих метода — это две альтернативы сохранения «лучшего» для общества: в одном случае открыто производится попытка спасти «лучших», в другом — отказ от оценки людей и провозглашение равного потенциала среди всех. Тут, конечно, стоит отметить, что Zolgensma применяется в основном по отношению к детям, не достигшим возраста двух лет, что осложняет оценку вклада и потенциальной полезности, однако это возражение нивелируется следующим этическим вопросом: «Действительно ли все по-другому, когда мы говорим о взрослых людях?»

Другой метод риск-менеджмента — уклонение от риска — слабо применим в государственной политике. Отказ от риска равен отказу от следования интересам населения; в таком случае население перестает быть целью правления, что противоречит идее правительственности. История знает много таких примеров: например, средневековым королям зачастую было проще изгнать евреев, чем обслуживать их интересы и выплачивать займы [Brown 1991]. И в этом смысле на помощь приходит диверсификация, которая позволяет отделить группы с разными интересами и реализовывать относительно них разные решения [Jacobs, Travers 2015].

Когда мы говорим о множественной рациональности, возможности сосуществования разных решений и разных рациональностей внутри одного общества, одного правления, наиболее действенной становится диверсификация рисков, которая ведет за собой диверсификацию населения и решений. Именно дивер-

сификация как методологический инструмент осуществления правительности при риск-менеджменте наиболее отвечает ее ценностному содержанию. Но осуществление диверсификации в правительности вовсе не означает отказ от страхования. Страхование понимается последователями Фуко не совсем так, как его воспринимают, например, банковские страховщики [Ewald 1991] — это не «практика компенсации», а «определенный тип рациональности», «способ отношения к определенным событиям, которые могут произойти с группой индивидов», в данном случае — с населением [Ewald 1991: 199]. Страхование как главный инструмент правительности, к которому управление обращается естественным образом [Nagashima 2019], остается широко применимым для, как указано выше, расчета и соположения рисков, статистического учета интересов и рисков населения как цели, но сами шаги к осуществлению этих целей в силу неоднородности рациональностей населения и целей каждого индивида осуществляются с помощью других механизмов, так как страхование в принципе для этого не предназначено.

Эта тенденция, и, возможно, Фуко именно это имеет в виду, говоря о правительности как о процессе, представляет собой отход от государства как Левиафана с единственным центром принятия решений к государству как действительно территории, управляемой населением как массой [Фуко 2003: 20–21]. Если в начале этого пути стоят макиавеллизм или меркантилизм, где доминирует единая рациональность власти, то конечная точка — это новый тип государства, в рамках которого существует правительность. Здесь рациональность является множественной и поддается управлению и дифференциации самим населением.

39

Заключение

Описанная в данной статье проблема — один из примеров парадокса регулируемой свободы [Standish 2000], описанного как противоречие между свободой и необходимостью ее регулирования (понятой как ограничение этой свободы). Эта проблема давно преследует многие либеральные концепции и теории, однако в основном на них принято не обращать внимания. В то время как многие либеральные теории сталкиваются с трудностями при попытке сбалансировать между индивидуальной свободой и общественным порядком, концепция правительности Фуко, благодаря принципиальному пониманию населения как цели, предлагает уникальный взгляд на этот вопрос. В этом отношении «Безопасность. Территория. Население» — это новые «Свобода. Равенство. Братство».

Однако, как и многие другие политические теории, правительственность имеет свои пробелы и недостатки — в этом тексте мы обратились к проблеме соотношения рациональности и нерациональности в данной теории, что помогло не только выработать решение, но и интерпретировать суть предлагаемых Фуко механизмов. На самом деле, за идеей государства как пастуха, в котором население — это стадо, скрывался уникальный механизм государственного расчета, позволяющий государству относиться к населению *разными* способами с помощью *одной* практики. В то же время Фуко с помощью концепции правительственности предлагает всем двигаться в одном направлении, сталкиваясь, таким образом, с парадоксом регулируемой свободы. Попытка разрешить это противоречие, ослабить характер регуляции для достижения населения как цели и его свободы, приводит нас к реальности государственного расчета (то есть рациональности [Ильин 1997: 335]), которому нужно рассчитывать риски и принимать решения.

40

Способ калькуляции и расчета рисков в той или иной мере присущ любому типу управления, однако не освобождает правителя от необходимости принимать решения и не является полноценным отдельным видом управления, самого по себе некоторого способа недостаточно. При применении механизмов правительственности в государственном управлении существует пространство для конструирования некоторого строя, в котором не обязательно предполагается правитель, но в котором есть правительность¹. Когда же для осуществления правительственности мы рассматриваем множественную рациональность как множество самобытных рациональностей внутри одного государства, которое дифференцирует население посредством диверсификации, то решения могут быть приняты согласно каждой из выделенных областей, если, конечно, речь не идет об ограниченном в государстве ресурсе [Stenström 2021]. В той же мере, в которой это противоречит Фуко, данная модификация наиболее отвечает ценностям, заложенным в его политической теории.

Страхование, предложенное Фуко как ключевое свойство и метод правительственности, может быть применено в правительственности с множественной рациональностью в своем статистическом и расчетном аспекте, предшествующем принятию решений, однако для самого процесса принятия решений в условиях разности целей населения более актуален другой метод управления рис-

1 Однако полное отсутствие правителя из-за грубого статистического характера правительственности может привести к одной из крайностей — хаосу или диктатуре, где какая-то цель ставится выше других [Скловский 2019: 61].

ками — диверсификация, позволяющая реализовывать разные цели в рамках множественной рациональности и таким образом наиболее точно и успешно реализовывать ценностные принципы правительности.

Важно понимать, что ценности — это одно, а практика и реальный механизм работы власти — это другое. И в связи с этим нам только предстоит понять, как на самом деле может работать правительность и какие властные механизмы она может использовать для реализации своих ценностей. Я надеюсь, что этот текст стал первым шагом в этом направлении.

Библиография / References

Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*, Социология / М. Вебер ; в 4-ех томах; Перевод с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. Т. 1. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. EDN: XZYVED

— Weber M. (2016) *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*, M.: Publishing house of the Higher School of Economics. — in Russ.

Дуглас М. (2020) *Как мыслят институты*, М.: Элементарные формы.

— Douglas M. (2020) *How institutions think*, M.: Elementary forms. — in Russ.

Ильин М. В. (1997) *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*, М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

— Ilyin M. V. (1997) *Words and meanings. Experience in describing key political concepts*, M.: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN). — in Russ.

Митчелл Д. (2016) *Правительность: власть и правление в современных обществах*, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. EDN: VSTDNU

— Mitchell D. (2016) *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh* [Governmentality: power and rule in modern societies], M.: Publishing house “Delo” RANEP. — in Russ.

Орлов А. И., Пугач О. В. (2012) Подходы к общей теории риска. *Управление большими системами: сборник трудов*, 40: 49–82. EDN QZMAHT.

— Orlov A. I., Pugach O. V. (2012) Approaches to general theory of risk. *Management of large systems: collection of proceedings*, 40: 49–82. — in Russ.

Скловский К. И. (2019) Политические и юридические аспекты теории дара. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 3: 55–86. EDN: MULXTU. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-55-86>

— Sklovsky K. I. (2019) Political and legal aspects of theory of gift. *Political and legal aspects of theory of gift. Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 3: 55–86. — in Russ.

Фуко М. (2003) Правительность (идея государственного интереса и ее генезис). *Логос*, 4–5: 4–22.

— Foucault M. (2003) Governmentality (the idea of state interest and its genesis). *Logos*, (4-5): 4-22. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-55-86> — in Russ.

Фуко М. (2011) *Безопасность. Территория. Население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*; пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова, СПб.: Наука. EDN: QXBZNV

— Foucault M. (2011) *Security. Territory. Population. A course of lectures given at the Collège de France in the 1977–1978 academic year*, transl. from french N. V. Suslova, A. V. Shestakova, V. Yu. Bystrova. St. Petersburg: Nauka. — in Russ.

Юм Д. (1996) *Трактат о человеческой природе. Сочинения в двух томах*. Т. 1, М.: Мысль.

— Hume D. (1996) *A Treatise of Human Nature. Works in two volumes*. Vol. 1, М.: Thought. — in Russ.

Brown E. A. R. (1991) Philip V, Charles IV, and The Jews of France: The alleged expulsion of 1322. *Speculum*, 66 (2): 294-329. <https://doi.org/10.2307/2864146>

Burchell G. (1991) Peculiar Interests: Civil Society and Governing “The System of Natural Liberty”. G. Burchell, C. Gordon, and P. Miller (eds). *The Foucault effect: studies in governmentality: with two lectures by and an interview with Michel Foucault*, Chicago: The University of Chicago Press: 119-150.

Callon M., Latour B. (1981) Unscrewing the Big Leviathan: How Do Actors Macrostructure Reality. K. Knorr, A. Cicourel (eds). *Advances in Social Theory and Methodology*, London: Routledge: 277-303.

Castel R. (1991) From Dangerousness to Risk. G. Burchell, C. Gordon and P. Miller (eds). *The Foucault effect: studies in governmentality: with two lectures by and an interview with Michel Foucault*, Chicago: The University of Chicago Press: 281-298.

Dyer O. (2020) Health ministers condemn novartis lottery for zolgensma, the world's most expensive drug. *BMJ (Clinical Research Ed.)*, 368: m580. <https://doi.org/10.1136/bmj.m580>

Ewald F. (1991) Insurance and Risk. G. Burchell, C. Gordon and P. Miller (eds). *The Foucault effect: studies in governmentality: with two lectures by and an interview with Michel Foucault*, Chicago: The University of Chicago Press: 197-210.

Jacobs K., Travers M. (2015) Governmentality as critique: the diversification and regulation of the Australian housing sector. *International Journal of Housing Policy*, 15 (3): 304-322. <https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1046209>

Lemke T. (2016) *Foucault, governmentality, and critique*, New York: Routledge.

Lewis J. (2007). Graham T Allison's “The Essence of Decision”. *Journal of Health Services Research and Policy*, 12 (2): 118-119. <https://doi.org/10.1258/135581907780279576>

MacIntyre A. C. (1988) *Whose justice? Which rationality?* Notre Dame: University of Notre Dame Press.

Nagashima M. (2019) “Hoken to risuku” (Furanshisu ewarudo-cho) o yomu — Sutadi kuesuchon mesoddo no kokoromi — sono 6 (kan): Dai 28 danraku kara dai 34 danraku: Hoken to kindai shakai [Reading “Insurance and Risk” — An Application of Study Question Method — Part6: From paragraph 28 to 34: Insurance and Society]. *Kokusai kōhō media kankō-gaku jōnanu*, 29: 89-101.

O'Malley P. (2009) Governmentality and risk. *Social theories of risk and uncertainty: An introduction*, Sydney: The University of Sydney: 52-75. <https://doi.org/10.1002/9781444301489.ch3>

Peters B., Pierre J. (2016). Decision-Making: The Essence of Governing. *Comparative Governance. Rediscovering the Functional Dimension of Governing*. Cambridge: Cambridge University Press: 60-83. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316681725.004>

Slovic P., Finucane M. L., Peters E., MacGregor D. G. (2004) Risk as analysis and risk as feelings: Some thoughts about affect, reason, risk, and rationality. *Risk Analysis*, 24 (2): 311-322. <https://doi.org/10.1111/j.0272-4332.2004.00433.x>

Standish C. D. (2000) *The art of governing conduct: liberalism and the paradox of regulated freedom*, Tasmania: University of Tasmania. https://eprints.utas.edu.au/21673/1/whole_StandishChristine2000_thesis.pdf

Stenström A. (2021) Plural Governmentalities: Governing Welfare Fraud in Sweden. *British Journal of Criminology*, 61 (3): 773-791. <https://doi.org/10.1093/bjc/azaa094>

Walters W., Haahr J. H. (2005) Governmentality and political studies. *European Political Science*, 4 (3): 288-300. <https://doi.org/10.1057/palgrave.eps.2210038>

Белов Михаил Дмитриевич — МЦИИР НИУ ВШЭ (Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), стажер-исследователь; Московская высшая школа социальных и экономических наук. Научные интересы: политическая коммуникация, конверсационный анализ, лингвистическая антропология. ORCID: 0000-0001-8848-2726. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Mikael D. Belov — International Center for the Study of Institutions and Development, National Research University Higher School of Economics, research intern; The Moscow School of Social and Economic Sciences. Research interests: political communication, conversation analysis, linguistic anthropology. ORCID: 0000-0001-8848-2726. E-mail: mikaelbelov@gmail.com